

Глава 5

[Заблокируй, заблокируй!] — на экране Номера 77 полыхал огромный крест, точь-в-точь как тот, что появлялся над головами разгневанных персонажей в манге, которую читал Шуй Цюэ.

Юноша послушно удалил того из друзей.

— Зачем он прислал такую фотографию? — недоумевал Шуй Цюэ. — Чтобы похвастаться своей фигурой?

Он потрогал собственную руку. Мышцы, тонкие из-за недостатка тренировок, облегли кость, создавая изящный, едва уловимый рельеф, но на ощупь, в расслабленном состоянии, были мягкими. Нежная кожа незрелого юноши разительно отличалась от мускулистого тела альфы на фотографии.

Шуй Цюэ был абсолютно уверен, что выглядит как мужчина, ему не хватало тех изящных женственных изгибов.

«Так зачем одному мужчине отправлять другому фотографию, демонстрирующую его тело? Это был вызов? Реакция на мои слова "покажи, на что способен"? Но разве в интернете фраза "скинь мне полтинник, и посмотрим, на что ты способен" не была просто намеком на то, чтобы ему прислали денег?»

Как же всё сложно.

Мысли Шуй Цюэ унеслись в неведомые дали.

Номер 77, напротив, кипел от негодования: [Он... он просто домогается тебя! Посылает такие фотографии, чтобы соблазнять людей! Сразу видно — неприличный мужчина!]

В этот момент Шуй Цюэ всё понял. Он совсем забыл, что во время стрима представал в образе омеги.

Значит, когда альфа посылает омеге подобные фотографии, он демонстрирует свои превосходные данные с целью спаривания?

От такого предположения у юноши глаза на лоб полезли.

Он этого не понимал, но уважал чужие обычаи.

С запозданием до Шуй Цюэ дошел истинный смысл его миссии по «соблазнению» под видом

омеги. Если бы это было аниме, над его головой зажглась бы лампочка.

«Неужели моя роль — это роль коварного альфы-гея, притворяющегося омегой?!»

Мировоззрение Шуй Цюэ рушилось и строилось заново. Тем не менее он не забывал о своей задаче.

«Но ведь наша цель — "поймать богача"? А этого босса даже ловить не пришлось».

Номер 77 замер. [Эм... кажется, так и есть.]

На экране телефона вспыхнуло красное уведомление: Сянсюнь снова отправил запрос на добавление в друзья.

Сянсюнь: «Прости, я неправильно понял твои слова. Могу я перевести тебе небольшой красный конверт в знак извинения?»

Шуй Цюэ прочитал сообщение, положил телефон на стол и, почти зарывшись головой в рюкзак, принялся искать ручку и бумагу.

Только что осознав себя в роли альфы-гея, он ответил приглушенным голосом:

— Добавлять?

Номер 77 колебался: [Может, ради денег... то есть, ради его раскаяния, добавим?]

— Хорошо, — ответил Шуй Цюэ.

Благодаря частично загруженным воспоминаниям изначального персонажа, он мог примерно представить, о чем думал Сун Шуй Цюэ.

С самого начала полового созревания его дефектные железы не могли вырабатывать достаточное количество феромонов альфы. Хуже того, из-за нарушений они ошибочно производили феромоны омеги.

Это привело к жестокой травле в средней школе. Обидчиками в основном были альфы, которые насмеялись над ним за то, что он «пахнет, как омега».

Собственный организм не вырабатывал достаточно нужных веществ, а денег на медицинские инъекции у семьи не было. В результате его тело стало хрупким и худым, лишенным той самой мускулистости и силы, которой так гордятся нормальные альфы.

Сун Шуй Цюэ, и без того чувствительный и неуверенный в себе, решив притвориться омегой и пользоваться преимуществами этого статуса, вероятно, действовал отчасти из отчаяния. Именно поэтому он всё дальше увязал на пути обмана ради любви и денег.

Рассеянно размышляя об этом, он коснулся экрана и принял запрос от Се Сянсюня.

Тот сразу же прислал перевод. Юноша пересчитал нули, и у него в глазах зарябило — после единицы их было целых четыре.

«И это "небольшой красный конверт"?»

Кажется, он и вправду поймал крупную рыбу... Вот только этот босс был невежлив — сразу начал с непристойных фотографий.

Шуй Цюэ принял перевод и медленно напечатал ответ.

«Спасибо, босс».

Это обращение звучало куда холоднее, чем «братец Сянсюнь», которое он использовал на стриме.

Се Сянсюнь усмехнулся.

Тот почти мог представить, как собеседник с серьезным личиком сосредоточенно печатает сообщение.

Что ж, это он неправильно его понял. Маленький стример, вероятно, и не имел ничего такого в виду, просто нуждался в деньгах и подрабатывал в интернете общением.

Если бы тот с энтузиазмом подыграл, Се Сянсюнь, наоборот, потерял бы интерес.

В этом плане он считал себя немного извращенцем. Вместо легкодоступной любви он предпочитал быть собакой, которую хозяин дразнит сахарной косточкой.

Сянсюнь: «Ещё учишься?»

Шуй Цюэ, раскладывая на столе лист бумаги и открывая колпачок ручки, решил ответить голосовым сообщением.

— Да, в последнем классе старшей школы.

Он не ужинал, поэтому голос звучал слабо и безжизненно. К тому же микрофон был близко, и его мягкая речь прозвучала как нежное, кокетливое воркование влюбленных.

Когда Се Сянсюнь очнулся, он понял, что прослушал это сообщение уже трижды.

«Еще школьник», — решил он и счел за лучшее быть сдержаннее, иначе совесть замучает.

Сянсюнь: «Наверное, много домашней работы?»

Сянсюнь: «Учеба важнее, не буду отвлекать тебя от уроков».

Ответа не было минут пять — видимо, тот и вправду ушел делать уроки. Се Сянсюнь уже собирался закрыть окно чата, как вдруг получил изображение. На листке бумаги вверху было выведено два иероглифа — «Объяснительная», — но почерк был настолько размашистым и стремительным, словно парящий дракон, что можно было подумать, будто это благодарственная речь.

Шуй-Шуй: «Ты умеешь писать объяснительные? Братец Сянсюнь».

Се Сянсюнь медленно отправил в ответ вопросительный знак.

Не то чтобы он не умел — скорее, был в этом деле мастером.

С юных лет Се Сянсюнь не любил размеренную школьную жизнь; можно сказать, он был бунтарем от природы. Каждый понедельник на церемонии поднятия флага он стоял в очереди за руководством. После речи директора наступал его черед — он выходил на сцену и зачитывал свою объяснительную. Говорил он лучше любого директора, выглядел внушительнее, а его полные мятежного духа слова неизменно срывали овации, заставляя руководство мрачнеть.

Сон на уроках, прогулы, драки — он не пропускал ничего.

В закрытой школе действовали строгие правила, но его семья пожертвовала деньги на строительство нового корпуса, и администрация, не желая отказываться от золотой жилы, не стала его отчислять. В конце концов, видя его неуправляемость, на него просто махнули рукой. Кое-как окончив старшую школу, парень должен был поехать за границу изучать финансы, но вскоре взял академический отпуск и вернулся на родину, чтобы посвятить себя киберспорту.

Только после того, как он выиграл все крупные турниры и завершил карьеру, он наконец-то закончил университет.

Се Сянсюнь нашел в своем облачном хранилище папку с ценными ресурсами — «100 шаблонов объяснительных» — и поделился ссылкой с Шуй Цюэ.

Затем с любопытством спросил: «Что же ты натворил?»

Шуй Цюэ выбрал подходящий шаблон и, переписывая его, ответил:

— Я ударил одноклассника ногой, и он упал. Учитель сказал, что это драка.

«Ударил ногой, и он упал» — в каком-то смысле юноша говорил правду.

Се Сянсюнь удивленно приподнял бровь. С такими-то тонкими ручками и ножками, как бы он сам при этом не пострадал.

— Братец Сянсюнь, ложись спать пораньше. Я скоро закончу. Спокойной ночи, — донеслось из голосового сообщения.

Такой послушный, совсем не похож на хулигана. Но, глядя на его почерк, напоминающий парящего в облаках дракона, Се Сянсюнь снова засомневался — ведь говорят, почерк отражает характер.

Сянсюнь: «Спокойной ночи».

Луна поднялась высоко в небо.

Прозрачный, как вода, лунный свет заливал тихую виллу. Вероятно, из-за дневного дождя ночное небо было безоблачным, но дул сильный ветер. Он с шумом пронесся сквозь листву на ветвях, завывая и свистя. Листья японской клейеры трепетали, и причудливые тени плясали на кухонном окне.

Шуй Цюэ на цыпочках крался, словно кот, задумавший стащить рыбу.

«Холодильник... где же холодильник?»

Боясь разбудить остальных, он осторожно, на ощупь, пробирался в лунном свете. Желудок, страдающий от нерегулярного питания, начал побаливать.

Поздней осенью ночи были холодными, а юноша все еще был в летней короткой пижаме, штаны которой едва доходили до колен. Порыв ветра ворвался в окно, и холод, словно липкий пластырь, приклеился к его голым икрам.

Неожиданно он наткнулся коленом на кухонный остров в центре комнаты.

— С-с-с...

Шуй Цюэ инстинктивно попытался отшатнуться в сторону и, неловко выставив руку, зацепил и опрокинул выдвижную корзину у раковины.

Грохот!

Щелк. Деревянная трость стукнула об пол. Высокий мужчина включил свет. Его лицо ничего не выражало, а свет вытянул его тень до невероятных размеров.

Виновник переполоха сидел на корточках, обхватив голову руками. Вокруг него на плитке валялись коробки и банки со специями.

Настоящий натюрморт.

Увидев, кто это, парень встал, отряхнул одежду и недовольно пробормотал:

— Почему ты не включил свет раньше? Из-за тебя я опрокинул корзину...

«Это кто еще не включил свет?»

Сун Цинь уставился на переключившего вину Шуй Цюэ. Его нога была тонкой, почти без мышц, но на самом колене мяса было чуть больше, и оттого ушиб выглядел довольно серьезным.

Он было открыл рот, но промолчал и, присев на корточки, начал собирать рассыпанные по полу специи.

Шуй Цюэ с самого обеда в одностороннем порядке считал, что они в ссоре, поэтому тоже замолчал. То, что случилось сейчас, было случайностью, и если он снова заговорит первым — проиграет.

Молча убрав на полу, юноша открыл холодильник. Ледяной воздух обдал его, заставив вздрогнуть. Внутри почти не было продуктов. Никаких остатков ужина, заботливо накрытых пищевой пленкой. Всё было чисто и опрятно, а в углу стояла коробочка с кофейной гущей для поглощения запахов.

— Остатки еды в доме не хранят до следующего дня, это вредно для здоровья. У-и забрала их и утилизировала ещё вечером. А свежие продукты закупают и привозят каждое утро, — пояснил Сун Цинь с видом небожителя, просвещающего деревенщину.

Может, юноше показалось, или Сун Цинь просто не надел очки посреди ночи, но выражение его лица оставалось бесстрастным, а вот взгляд, устремленный на него, заметно потеплел.

Хоть у него и не было опыта воспитания детей, отец доверил ему младшего брата, и Сун Цинь должен был нести ответственность. По крайней мере, не дать ему умереть с голоду.

Он не понимал, как можно из-за подростковой обиды отказываться от ужина, совершенно не заботясь о своем здоровье. Совсем как ребенок.

Старший брат, заметив, что Шуй Цюэ прижимает руку к животу, нахмурился:

— Проголодался?

Слова прозвучали свысока. Шуй Цюэ, верный своей роли, не сдавался:

— Не твое дело.

Он собирался с силой толкнуть Сун Циня плечом и гордо удалиться в свою комнату. Однако, не рассчитав разницу в росте, он врезался прямо в грудь мужчины. Соперник стоял как скала, а вот сам Шуй Цюэ отшатнулся.

Сун Цинь схватил его за руку, помогая удержать равновесие.

«Что это он делает?» — мужчина опустил взгляд и увидел пушистые темные волосы Шуй Цюэ и маленький вихор на макушке. Кажется, тот ударился и теперь тер нос. Когда он убрал руку, кончик носа был красным.

Жалкий и милый.

«Он так ластится?»

У Сун Циня было мало опыта общения с младшими. Во-первых, в основной ветви семьи Сун было мало детей. Во-вторых, после того как его усыновили из боковой ветви, мать запретила ему общаться с родственниками оттуда. Боковые ветви во многом зависели от основной, поэтому на новогодних праздниках их дети вели себя с ним робко, боясь сказать что-то не то.

— Иди сядь, — он указал на обеденный стол за пределами кухни. — Уже поздно, У-и крепко спит, нехорошо ее будить. Я... приготовлю тебе лапшу.

Шуй Цюэ, попав в этот мир, сразу же стал активным пользователем сети и был в курсе всех двусмысленных шуток. Услышав последнюю фразу, он широко распахнул глаза.

«Что за пошлости он несет?! Разве я могу такое слушать?»

Сун Цинь, видя, как тот смотрит на него своими круглыми глазами, почувствовал некоторое удовлетворение от роли старшего брата.

— Я нечасто готовлю, но сварить лапшу смогу.

— ...Ох, — уныло промычал Шуй Цюэ, потирая нос.

Это всё из-за Сянсюня. После той фотографии он нашел в интернете много всякого, и теперь его мысли уже не были такими невинными.

Юноша сел за обеденный стол. Кухня в доме Сун была полуостровного типа. Дизайн, скорее всего, разрабатывался с учетом мнения Сун Циня: черно-бело-серая гамма. Кухню от остального пространства отделяли вертикальные складные двери, чтобы запахи не проникали в столовую.

Вскоре мужчина вернулся с тарелкой лапши с зеленым луком и несколькими тонкими ломтиками говядины.

Соли, похоже, было многовато, вкус получился резким, но Шуй Цюэ ел с аппетитом. Он даже шептался с Номером 77:

«Можно мне и дальше выполнять такую работу? Я капризничаю, а мне все равно готовят лапшу».

Честно говоря, в исследовательском институте, где он раньше находился, в условиях конца света кормили мясом, и еда была неплохой. Но это касалось только сотрудников. Подопытные получали еду, только если хорошо себя вели.

Иногда Шуй Цюэ так мучился от голода, что ему хотелось грызть собственную плоть. Он быстро исцелялся, и, если рана не была смертельной, мясо нарастало снова. Но исследователи говорили, что подопытному нельзя просто так тратить свою плоть и кровь — они должны служить высшей цели на благо всего человечества.

Хочешь есть — сдавай кровь. Одна пробирка крови за порцию еды. Но после еды он часто становился еще слабее и снова погружался в муки голода.

Однажды юноша столкнулся с мутировавшим осьминогом. Он был огромным и заполнил всю его комнату, проникнув в институт неведомо откуда.

Но ушел он уже шестиногим. В благодарность за то, что Шуй Цюэ его не выдал, монстр

отрезал два своих щупальца и приготовил ему сашими. Хотя юноше было неловко, он никогда в жизни не ел так досыта.

Номер 77 знал только основную информацию о Шуй Цюэ, но не подробности его прошлого.

[Конечно! Жить за чужой счет — девиз нашей системы! И такие хорошие дни только начинаются!]

Говоря это, он чувствовал себя не очень уверенно. На самом деле, во всем огромном мире он был единственной «системой альфонса», а Шуй Цюэ — его первым носителем, которого он с трудом заполучил. Поэтому Номер 77 решил подстраховаться.

[Но такие персонажи встречаются редко, их роль в сюжете невелика, и конец у них обычно не очень хороший,] — туманно добавил он.

— Ничего страшного, это уже очень хорошо.

Шуй Цюэ опустил глаза и, надув щеки, подул на лапшу. Горячий пар поднимался вверх, и его ресницы трепетали на тонких веках, словно крылья бабочки, пойманной в облаке тумана.

Сун Цинь не расслышал, что там бормотал юноша, но тарелка быстро опустела, и его самого наполнило чувство удовлетворения.

«Так вот каково это — растить ребенка...»

Он прочистил горло и, приняв строгий вид старшего брата, сказал:

— Поел? Тогда быстро спать. Завтра в школу опаздывать нельзя.

После ужина злиться было уже неудобно, и Шуй Цюэ не стал продолжать ссору. Он послушно промычал «угу» и с надеждой спросил:

— А завтра утром можно будет еще такой лапши?

— Завтра завтрак приготовит У-и, — ответил Сун Цинь.

Иными словами, сам он больше готовить не собирался.

Несмотря на включенный повсюду свет, он проводил Шуй Цюэ до самой двери его комнаты на втором этаже, видимо, опасаясь, что тот снова неуклюже врежется в мебель.

Перед тем как закрыть дверь, Сун Цинь протянул руку, его взгляд был тяжелым. Ладонь у него была большая, не гладкая, покрытая мозолями от постоянного использования трости.

Старший брат собирался проверить объяснительную.

Но юноша, постояв пару секунд в замешательстве, доверчиво, как беззащитный зверек, прижался щекой к его ладони. Только тогда мужчина заметил, какими светлыми были его глаза — прозрачная, влажная глубь цвета светлого чая, в которой не было ничего от той жесткости, что присуща семье Сун.

<http://bllate.org/book/15811/1422710>